

Социально-политическая история XVIII-XX вв.

Л.А.Фролова

Наказаны за поджог...

Проблема наказания за совершенное преступление до сих пор тревожит умы людей. Тот, кто интересуется историей, знает, что карательные меры на Руси были очень жестокими. Как писал Николай Евреинов в своем исследовании о наказаниях: «Это длинная история, почти кошмарно-мрачная, история, полная бесконечных повторений, одно ужаснее другого, история, требующая большого терпения и нервной выдержки, история глубоко поучительная в области человеческих заблуждений, история, угнетающая наш дух, но и радующая его в конечном результате победой Белбога над Чернобогом». Вопрос о совершенной отмене телесных наказаний был поставлен западноевропейскими учеными в 30-е годы XIX века после появления в печати статьи немецкого криминалиста Миттермайера, решительно требовавшего отмены этих наказаний, как бесполезных и несоответствующих строю конституционных государств.

В данной статье будет освещена проблема наказания за возникновение пожаров из-за неосторожного обращения с огнём, а также будет уделено внимание наказаниям за со-

---

Фролова Любовь Александровна - начальник Центра противопожарной пропаганды и общественных связей ГПС и МЧС России Псковской области

вершение поджога. Одним из ранних документов, известных историкам, в котором предусматривалась мера наказания за пожары, был свод законов начала XI века «Русская правда». В нем записано, что поджигатель и члены его семьи обращались в рабство или заточение, а их имущество шло в казну.

Псковская вечевая республика в период самостоятельности жила по своему закону - Псковской Судной грамоте. Поджог по этому документу являлся тягчайшим преступлением и карался смертной казнью - сожжением на костре. В 1474 г. Псковская Судная грамота была затребована Иваном III в Москву и послужила одним из источников Судебника 1497 г., в котором записано, что «зажигальщику живота не дать, казнить его смертной казнью».

В годы правления Ивана Грозного Россия пережила исключительное по жестокости время. Влияние Запада принесло в русскую карательную систему изощрённость: закапывание в землю, колесование, повешение за ребро... Более лёгким наказанием было битьё. Чтобы отметить преступников, наложить на них позор на всю жизнь, выжигали на лице раскалённым железом различные клейма. Этот вид наказания сохранялся до 1863 г.

В государственном архиве Псковской области сохранилось дело Псковской палаты уголовного суда от 8 ноября 1826 г. о крестьянском сыне Псковского уезда д. Ажева Филиппе Перфильеве, 20 лет от роду, судимом за зажигательство дома крестьянина той же деревни Тимофея Маркова. Пострадали от огня хозяин дома, его жена и малолетний сын Семён. Убытков понесли на 2563 рубля 20 копеек. Перфильев перед судом добровольно сознался в содеянном, объясняя, что он «такое сделал из злобы на Маркова за то, что он от свояченицы Маркова претерпел бой за воровство якобы бумажного платка и простого пояса». Приговор палаты уголовного суда был следующим: «Наказать на месте преступления в д. Ажеве кнутом, дав 20 ударов, и потом, выставя на лбу и на щеках указные знаки, сослать в каторжную работу. Действительное исполнение определённого преступнику наказания, по уважению несовершеннолетия в его телосложении, произвести через 1,5 года, со времени настоящего определения. И сверх того за небытие его, Перфильева, ни одного разу у исповеди и святого причастия, представить духовному начальству наложить епитимью».¹

Судебник 1550 г., принятый Иваном IV, объявил закон единственным источником права, но определил далеко не все преступления, за которые полагалась кара.

Алексей Михайлович исправил этот недостаток, дав преступлениям классификацию. Наказание же зависело от воли царя и судей, то есть не соответствовало статье закона - «указ чинить по рассмотрению, как Государь укажет». Примером тому может служить невольный поджог из-за «безмерного питья у жилицких людей» в Опочке в 1665 г. Виновнику содеянного по царскому указу отсекли левую руку по запястье.²

При Алексее Михайловиче принимается два документа. Первый - «Наказ о городском благочинии», в котором за невыполнение противопожарных мер, неявку на пожар были введены различные меры - «чёрные и обычные люди подвергались телесному наказанию, а о родовитых и сановных докладывалось государю».

Второй документ - «Соборное уложе-

ние». В нём уже устанавливалось различие в наказании за неосторожное обращение с огнём и поджог. При пожаре из-за неосторожности с виновного взыскивались убытки в размере, «что государь укажет», а за поджог наказание было суровым: зажигальщиков предписывалось сжигать. Через 15 лет, в 1654 г., была внесена поправка: сжигание на костре заменялось повешением. 30 сентября 1737 г. выходит Именной Указ «О порядке доносов и производства исследования о зажигателях и о казнях, как самих зажигателей и сообщников их, так и тех, которые, ведая о намерении их, не донесут или похваляются таким злодейством, хотя бы и не совершили оного». Данный Указ ещё раз закрепил напечатанное в «Уложении» и в «Военном Уставе» - «зажигальщика казнити, сжечь». В подтверждение вышесказанному в «Полном собрании законов Российской Империи» описывается, как в Санкт-Петербурге крестьяне Пётр Петров и Володимир Перфильев, будучи пьяными, играли с людьми зернью, да проигрались. Решили зажечь в Морской улице обывательские дома и поживиться. И совершили своё чёрное дело, были арестованы, хотели сначала свалить всё на невинных людей, да потом повинились. Любовница Перфильева - Стефанида Козмина знала о готовящемся злодеянии, но не донесла. И за то их преступление зажигальщики были сожжены на месте пожара, а женщине отсекли голову.³

5-й пункт этого же Указа гласил: «А кто таким злым делом похвалится и в том обличён будет, и хотя того в действие не приведёт... и такие слова произнёс он по какой-либо ссоре или во пьянстве: таковым, сверх розысков, чинить жестокое наказание кнутом и отдавать на прежнее ж их жилище с расписками. То же чинить и тем, которые, слышав такие похвальные слова, на таких злодеев доносить не будут». Так, 10 апреля 1801 г. в городе Порхове на улице Набережной случился пожар в доме купца Якушева. Следствие показало, что то был намеренный поджог. Поджигателем оказался порховский мещанин Фёдор Калашников, который накануне, будучи пьяным, принародно ругался непотребными словами и похвалялся, что

«угольный дом сгорит». По силе Уложения 10 главы 202 статьи и указов 1737 и 1740 гг. 5-го пункта и 1760 г. учинили Калашникову наказание кнутом с жестокостью и отдали на прежнее жилище с распискою.⁴ Или иной пример. В мае 1826 года от помещика Новоржевского уезда Александра Нагорного бежали крепостные крестьяне Яков Егоров и Семён Евсеев. Через месяц после побега Евсеев вернулся, покаялся, а на Егорова донёс, что тот якобы обещался сельцо господское сжечь, самого хозяина убить. Яков Егоров, узнав о предательстве, сжёг дом доносчика и снова скрылся. Был объявлен розыск, но прошло два года, а изловить беглеца не смогли. А потому наказали его братьев Кирилла и Матвея - за укрывательство и молчание. Их высекли плетьюми и отдали на волю помещика: оставить ли в вотчине или сослать в Сибирь на поселение.⁵ Случалось и такое: с 4 на 5 ноября 1856 г. в посаде Сольцы Порховского уезда двое солецких мещан совершили поджог. Их арестовали, но вместе с ними был арестован и тот, кто донёс на них, так как он не захотел объявить, от кого знает о подробностях поджога.⁶

Снисхождения не было никому, даже малолетним. Так, в 1725 г. в Петербурге за поджог на Московском рынке был казнён малолетний сын солдата Аристов. В Полном собрании законов Российской Империи, в связи с Сенатским указом от 24 августа 1739 г. «О ссылке малолетней девки Ирины Самойловой в монастырь за поджог двора» описан не менее жестокий случай, происшедший в Казанской губернии, где был подожжён двор помещика Кириллы Ляхова. «От того зажигания ничего не сгорело». Но виновницу взяли под стражу, раз шесть пытали, жгли огнём. Приговор был следующим: «Не чиня наказания, отдать для содержания и употребления в работу в девичий монастырь вечно».

Лишь в 1765 г. при Екатерине II наказания для малолетних были ограничены: 15-17-летних подростков указано было пороть плетьюми, 10-15-летних - сечь розгами, 10 лет и менее - отдавали родителям или помещикам для наказания.

Весной 1826 года в деревне Курково

Новоржевского уезда сгорело два крестьянских дома из-за неосторожности крестьянки Аграфены Кондратьевой. По молодости лет её оставили без наказания от суда, определив: «Предоставить помещику или управляющему вотчиной наказать».⁷ Только Богу известно, как наказали девицу.

В 1862 г., 10 мая, из Новоржевского земского суда на утверждение псковскому губернатору поступило дело о пожаре в деревне Луковицах у крестьян государственных имуществ от неосторожности 5-летней крестьянской девочки Пелагеи Михайловой. Наказ был следующим: «Отдать родителям для вразумления и наставления». Через месяц из того же Новоржевского уезда поступило дело о пожаре в деревне Чуркове у крестьянина Матвея Климентьева от неосторожности обращения с огнем 5-летнего крестьянского мальчика Ивана Иванова. Было рекомендовано: «Внушить родителям и родственникам Ивана иметь должное за ним наблюдение для избежания впредь подобного происшествия».⁸

Впоследствии ответственность за преступления детей несли родители. В 1778 г. несовершеннолетних приказано было наказывать за совершенный поджог только розгами, причём обязательно доискиваться, не совершено ли преступление по чьему-либо наущению. По Своду 1835 и 1842 гг. дети до 17-летнего возраста ещё получили некоторые облегчения: их не могли наказывать публично.

Весной 1860 года жители города Порхова были обеспокоены частыми пожарами. По подозрению в поджогах был арестован 16-летний крестьянский мальчик графини Заводовской деревни Шарово Николай Евдокимов. Как сознавшемуся в двух поджогах и в приготовлении к третьему, ему было вынесено определение: «Лишить всех прав состояния, наказать розгами 30 ударами и сослать на поселение в отдалённые места Сибири, где за небытие у исповеди и святого причастия предать церковному покаянию, по распоряжению Духовного Начальства, в ведомстве коего будет находиться, о чём Тобольский Приказ о ссыльных уведомить».⁹

Уложением 1854 г. послабление сделали подросткам до достижения 21 года.

Самого пышного расцвета телесные наказания достигли в эпоху Петра Великого. Он мало обращал внимания в своих указах на размер преступления, для него главным злом было неповиновение его воле, противодействие его желанию. Уложение Алексея Михайловича рядом с законодательными постановлениями Петра I кажется даже милосердным. В Уложении Алексея Михайловича квартирносъёмщик, виновный в том, что неумышленно сжёг двор, обязан был уплатить хозяину его стоимость. При Петре I виновный платил убытки и сверх того должен был быть наказан, «а ежели учинится сие с умыслу, тогда виноватый в том наказан будет яко зажигальщик». Зато, пристрастившись к курению, Пётр I отменил столь страшное наказание, как вырывание ноздрей и отрезание ушей курильщикам, по чьей вине происходили пожары.

Особым вниманием пользовался флот, где Пётр ввёл особую казнь – кошками (четырёххвостная плеть с узелками на концах) и линьками (куски каната с узлами). Указ 1709 г. гласил, что тот, кто нарушил правила пожарной безопасности, «будет бит: по первому приводу 10 ударов у мачты, кто приведён будет в другой раз, онный будет под низ кораблей пропущен и у мачты будет бит 150 ударами, а потом вечно на каторгу сослан...»

В Морском уставе 1720 г. за сожжение корабля нарочно или «от небрежения» назначалась смертная казнь. Офицерам могли даровать жизнь, если корабль сгорал по вине подчинённого. Обязательно определяли степень вины офицера, только тогда наказывали следующим образом: арест, конфискация имущества плюс вычиталось жалованье за шесть месяцев и разжаловали в рядовые на определённое время. Если нечем было оплатить убытка, то служили рядовыми без офицерского жалованья и имели пропитание рядового. В зависимости от важности вины офицеров и рядовых могли навечно сослать на галерную работу.¹⁰

В отношении зевак и праздношатающихся на пожарах Пётр I определил следующее наказание: «Буде на тот пожар придут всяких нижних чинов и боярские и гулящие люди без топоров и вёдер, и без кошелей, и

без лопат, и прибежав, того пожару станут смотреть, а не отымать, и их от того пожару отсылать прочь, чтобы отымать не мешали... а буде они, прибежав на тот пожар, учнут всходить во дворы и в хоромы, и в палаты, и по избам для своего воровства и грабежа, и тех людей имати и приводить в Стрелецкий Приказ и чинить им всякое жестокое наказание, бить кнутом, водить по пожару, без всякой пощады ссылать их в ссылку на вечное житье с женами и детьми».¹¹

Екатерина II в отношении зевак в указе 1771 г. приказывала: «С имеющих чины взыщется от полиции за треть, по окладу их жалованья, на воспитательный дом, а лошади их и люди, как при нем будут, употребляться при пожаре в работу равно как и безчиновные в работу же употреблены будут».¹²

Любителей пострелять из ружей и ракеты пускать, отчего случались пожары, Пётр I тоже не обошёл наказанием. На страх злоумышленникам и для сведения московского люда указали, что если «буде кто стрелять и ракеты пущать, тех имать в Стрелецкий Приказ и за первый привод чинить наказание - бить батоги, а за другой - бить кнутом и ссылать с женами и детьми в Азов на вечное поселение».¹³

Через век к такому преступлению относились более снисходительно. В 1838 г. в Опочецком уезде по случаю нечаянно зажённого Ястребовского питейного дома от выстрела из ружья, учинённого опочецким мещанином Прохором Матвеевым и крестьянином господ Рютневых Архипом Петровым, подсудимых выдержали в тюрьме две недели на хлебе и воде на свой счёт.¹⁴

Наказание несли архитекторы и строители за строительные просчёты и отсутствие во вновь строящихся зданиях противопожарных перегородок. Их могли арестовать. Затем эту меру наказания заменили на денежное взыскание. Архитектор на свой счёт должен был исправить допущенную ошибку.

Строги были меры наказания к тем, кто становился виновником пожара в лесах. Именной Указ от 13 июля 1738 г., данный из кабинета Её Величества Санкт-Петербургской губернской канцелярии «О запрещении раскладывать по дорогам и лесам огонь»,

подтверждал Петровский о том, что «кто будет пойман за таким делом, будет без пощады кнутом наказан, а если хоть малый вред будет нанесён, то виновника ждет казнь смертью».

В 1800 г., 9 августа вышло Сенатское распоряжение, вследствие именного, «Для отвращения случающихся в лесах пожаров». По этому документу с казённых крестьян причинённый вред и убыток от неосторожного выжигания травы, кореньев, жнитвы предписывалось «взимать с селения в пользу лесных доходов, кому поле принадлежало, а заживавшего крестьянина отсылать к суду по закону. Буде же селяне заплатят убытков не в состоянии, то работать оному в казенных лесных дачах, пока те деньги заработает». Если кто из помещичьих крестьян «станет на полях выжигать траву и пожжет леса, с таких своевольников взыскивать за каждую десятину против положенной в тех губерниях продажной лесам цены в десятеро; взысканные деньги обращать в пользу лесных доходов. Сверх того тот помещичий крестьянин, от коего произойдет пожар в казенной даче, взят будет в рекруты без зачета».¹⁵

Виновных в пожарах пастухов штрафовали «как сход сельский приговорит». А вот как наказали сторожа лесной дачи в Холмском уезде. В 1847 г. 13 мая, в Псковскую палату уголовного суда из Холмского суда поступило дело о происшедшем неизвестно отчего пожаре в Троицкой крестьянской даче. Сторожа дачи - крестьянина Кондратия Петрова - за слабое смотрение, не подвергая аресту, чтобы не причинить расстройств в работах, наказали 20 ударами розгами. Сверх того, взыскали за понесённый казною через пожар убыток, исчисленный лесничим Кукиным, 16 рублей 50 копеек серебром.¹⁶

В помощь форштмейстерам на случай пожаров избирали в казённых селениях пожарных старост «из поселян трезвых и доброго поведения». Они должны были сообщать о пожаре Нижнему Земскому Суду и форштмейстеру, созывать поселян всех смежных деревень, в 10 верстах находящихся, а где поселение небольшое, то и в 25 верстах отстоящих. Крестьяне должны были являться по первому же призыву с заступами, мётлами, вёдрами и другими инструментами, а

кто не являлся и не объяснял причины - штрафовали «как сход сельский приговорит».

Штрафовали за неявку на тушение пожара и в городах. Так, в 1827 г. в городе Пскове случилось поистине чрезвычайное происшествие: на тушение пожара в доме Ивана Дроздова не явилось 329 человек. Список отсутствовавших был подан губернатору. Его решение было следующим: «Нахожу нужным предписать городской полиции, собрав всех на пожар не явившихся, объявить им, что таковая неисправность единственно на сей раз им прощается, - на будущее же время, сверх полицейского наказания, взыскан будет убыток погоревших...»¹⁷

Надо сказать, что и через столетие, при Советской власти, неявка на пожар являлась преступлением. Постановлением Псковского губернского исполкома от 21 мая 1921 г. такой поступок расценивался как дезертирство.¹⁸

Спешка на пожар иногда заканчивалась тоже печально. В 1825 г., с 7 на 8 августа, в городе Великие Луки произошёл пожар. Ударили в колокол. Народ устремился к месту происшествия. Мещанский сын Пётр Байковский вскочил на свою серую лошадку, не охомутив её, и погнался, что есть мочи, крича «посторонись!». Но за суетой, барабанным боем и трескотнёй трещоток голос его терялся... И надо было так случиться: ошалевшая от всего этого гама лошадь набежала на человека, сшибла его и сама упала. Лихой всадник кубарем скатился с неё. Будучи до смерти перепуганным, он вскочил на лошадь и угнал прочь. К пострадавшему мещанину Сергею Медведеву подбежал лекарь, собралась толпа народу. Бедняга через полтора часа скончался.

Во время следствия о Петре Байковском говорили только положительно, и жена Медведева не выказала подозрения в умышленном задавлении её мужа, сказав, что семейство Байковских - добрые люди. Это спасло молодого наездника. За неосторожность при проезде на пожар выдержали его на хлебе и воде 15 дней, а затем предали его для очищения совести церковному покаянию.¹⁹

Может показаться, что несло наказание исключительно население мужского пола. Нет, женщин тоже наказывали, и тоже

без послабления, публично. В 1826 г. псковскому губернатору из Опочецкого уездного суда на утверждение поступило дело о солдатке Ирине Федуловой, обвиняемой в зажигательстве ею дома удельной деревни Вопы крестьянина Ивана Константинова. Как признавшуюся в содеянном, Федулову приговорили по силе Уложения 10 главы 228 статьи воинского 178 артикула и указа от 30 сентября 1737 г. наказать в д. Вопы при собрании крестьян кнутом, дав ей 8 ударов, потом сослать в Сибирь, в каторжную работу. «Если есть у неё какое-либо имение, взять в опись надлежащим порядком и продать аукционным порядком, удовлетворив таким образом крестьянина Константинова за понесённые им убытки от пожара», - гласил приговор.²⁰ Или в Новоржевском уезде в деревне Пещевцы, принадлежащей ведомству комиссии сооружения храма в Москве во имя Христа Спасителя, случился пожар от нечаянно заронённого уголька в амбаре молодой крестьянкой Натальей Егоровой, погиб крестьянин Яков Никитин. За бедственное разорение от пожара, Егорова была жестоко наказана розгами, принародно.²¹

Определённое сокращение телесных наказаний началось при Екатерине Великой. Она отменила телесные наказания для привилегированных сословий. Затем последовали льготы купцам 1 и 2 гильдий, почётным гражданам, иеромонахам, священнослужителям. Павел I, по вступлении на престол, уничтожил привилегии дворян, не исключая женщин. Александр I снова освободил от телесных наказаний некоторые категории населения.

Николай I продолжал меры по сокращению телесных наказаний. Уложением 1845 г. прекратилось истязание кнутом. При Александре II удары плетью спустили со спины на более мягкие части тела. Полностью плети были отменены в 1903 г. После отмены крепостного права последовало некоторое послабление крестьянам. В 1863 г., 17 апреля был обнародован указ «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных». Прекращено было публичное истязание плетью, клеймение, истязание женщин всех сословий,

кроме ссыльных. В войсках и на флоте отменили шпицрутены и кошки. Сохранили порку только розгами.

Теперь было сложно оговорить человека. Из Островского уездного суда на утверждение губернатору в феврале 1863 г. поступило дело о пожаре в сельце помещицы Травиной. Был арестован крестьянин деревни Жигарево Михаил Яковлев. Псковская палата уголовного суда оправдала крестьянина. А помещицу, вовремя не починившую ветхой печи, отчего произошёл пожар, подвергла штрафу в размере 2 рублей серебром в пользу мест заключения.²²

Нарушителей правил пожарной безопасности по «Уставу пожарному» 1874 г. издания подвергали теперь денежному взысканию, которое простиралось от 25 копеек до 30 рублей. Если происходил пожар, виновных могли подвергнуть аресту до 15 дней и штрафу.

За пожары перестали пороть. Мужик стал чувствовать себя вольно, порой даже вызывающе. 29 февраля 1900 г. в Сидоровском волостном суде рассматривалось дело о подстрекательстве к поджогу: крестьянин Ефим Семёнович Никитин, проживавший в селе Погорелки Сидоровской волости, нанимал за 10 рублей бродягу и попрошайку Якова Егоровича Кренделя поджечь дом псковского мещанина Александра Александровича Благовещенского, о чём последний подал прошение для привлечения Никитина к уголовной ответственности.

Обвиняемый, будучи человеком грамотным, виновным себя не признал, отказался подписать протокол показания, указывая на недоверие в правильности записанного. В довершение всего, позволил себе, игнорируя какие-либо замечания, расхаживать по залу суда и мешал вести допрос свидетелей. Заключение суда было неожиданным: «Никитина за угрозу произвести поджог признать оправданным, но за неуместное и неприличное поведение на суде подвергнуть аресту на 6 дней». Тем же приговором волостного суда присуждены: Благовещенский А.А. к штрафу на 3 рубля за выражение им сомнения в правильности составления протокола полицейским урядником, Яков Крендель - к

аресту на 10 дней за прошение милостыни с дерзостью и грубостью, а также по лени и привычке к праздности.

Дело получило общественную огласку на страницах «Псковского городского листка». Резюме прозвучало так: «Всем досталось: и обвиняемому, и обвинителю, а пуще всех свидетелю».²³

С другой стороны, напрасно думать, что с отменой крепостного права стало жить вольготно крестьянам и спокойно помещикам. По деревням вспыхивали восстания. Они были вызваны разочарованием в полученной воле, так как мужик по-прежнему чувствовал себя связанным по рукам и ногам тяжёлыми путами экономической зависимости. Мало-помалу у крестьян создавалась уверенность, что помещики подкупили власти, заставили их скрыть настоящую, выданную царём грамоту о воле и подсунули им другую. Ещё не одно десятилетие помещики жили в страхе, о чём свидетельствуют дела, поступавшие на рассмотрение псковскому губернатору.

В июле 1885 г. в с. Маслово Копылковской волости Опочецкого уезда у вдовы генерал-майора Марии Васильевны Афросимовой начались пожары: горели сараи с запасами кормов для скотины на зиму. Помещица подозревала своих бывших крестьян. И не без основания, так как её муж, отставной генерал-майор Никандр Яковлевич Афросимов в связи с Манифестом 1861 г. освободил крестьян от крепостной зависимости с наделами земли и дал ещё обрест под названием Дудино до выкупа его ими. По данной грамоте бывшие хозяева могли продать эту землю только с согласия крестьян. Согласия этого генерал-майорша, конечно же, не получила, а продажу произвела. Будучи напуганной пожарами, Афросимова просит о незамедлительном следствии, так как боялась новых поджогов. Она подробно описала поведение крестьян и выразила озабоченность за своё семейство: «Ещё этой весной были заметны между крестьянами волнения, особенно в Высокой Горе: говорили о воле, что обресты должны принадлежать им, что они отберут и т.д. Делали между собой сходки, на которых собирались все почти крестьяне

моих деревень, ... были собраны деньги, и на эти деньги послали в Петербург крестьянина д. Высокая Гора Тимофея Петрова ходатайствовать об отдаче им обрестов. В то же время действия их по отношению ко мне становились всё более вызывающими, при работе на моём поле грубили, грозились моему сыну Якову Никандровичу Афросимову и управляющему Юлиану Горскому. Стороной же я слышала разные угрозы по отношению ко мне и моей собственности. Когда я пожелала продать часть обреста при д. Железово, всего около 17 десятин... то мужики грозили убить покупателей. И сжечь...

Я опасуюсь за целостность остальных трёх сараев на пустошах, за самоё село и, наконец, собственную мою безопасность и моего семейства. Злодеи так и ждут того времени, когда будет убрано остальное сено и хлеб, чтобы сжечь всё и разорить меня окончательно или даже лишить меня жизни, я не ручаюсь за то, что они не сожгут меня в собственном моём доме вместе с семейством...»²⁴

Деревенские бунты стали опасны и для государства. Между городскими и сельскими обывателями поползли слухи о поджогах и подмётных письмах, что способствовало к распространению тревожного состояния и даже панического страха, овладевшего жителями. Сам государь император предполагал, что в причинении этого бедствия участвуют люди, посягнувшие с преступной целью на имущество и спокойствие мирного населения. На места всё чаще поступали циркулярные предписания МВД с рекомендациями об образовании сельских вооружённых караулов, об усилении мер к предупреждению пожаров. Начальникам губерний повелевали принять самые энергичные меры к раскрытию действительных причин. С этой целью всем чинам полиции вменили в обязанность: следить за соблюдением обывателями правил предосторожности от огня, зорко следить за всеми праздношатающимися и тому подобными людьми. Виновных в распространении слухов подвергать строжайшей законной ответственности, об обнаруженных поджогах или попытках к поджигательству, о лицах, возбуждающих какие-либо подозрения, немедленно сообщать в

министерство. Городским и сельским обществам предписывали устройство ночных караулов и улучшение пожарной части, распространение взаимного от огня страхования и принятие иных мер.²⁵

Дела виновных в поджогах по секретному циркуляру МВД от 1862 г. было разрешено передавать военному суду по полевым уголовным законам. В 1864 г. из МВД начальникам губерний секретно вновь поступает бумага на этот счёт. Право подтвердить и приводить в исполнение приговоры военного суда предоставлялось генерал-губернаторам, военным губернаторам, а где таковых не было - ближайшему командиру, начальнику дивизии или начальнику округа корпуса Внутренней стражи. Так что путь к наказанию виновного всегда можно было найти.

Тем не менее, крестьянская реформа

вдохнула надежду, а Высочайший Манифест 1904 г. по случаю рождения наследника русского престола даровал крестьянам освобождение от телесных наказаний. По официальным постановлениям порке могли быть подвергнуты лишь преступники в исправительных арестантских отделениях, в военных тюрьмах и на каторге за новые нарушения законов.

Так, после 40-летнего ожидания, завершилась крестьянская реформа 60-х годов: сельские обыватели были уравниены с другими сословиями. Тем не менее, ввиду исключительного положения Смутного времени 1905-1906 гг. этот закон положительно игнорировался. А развивавшееся пьянство и хулиганство в деревнях вынуждало земства дебатировать вопрос о возвращении телесных наказаний.

Примечания

1. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 868, л. 31-34.
2. МАМЮ, т. 4, 1914, с. 441-446.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Т.Х (1737-1739 гг.), сс. 305-307.
4. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 137, л. 2, 8.
5. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 756а, л. 1-2, 16.
6. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 1876, л. 206.
7. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 786, л. 308.
8. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 2016, л. 130-131.
9. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 1992, л. 173.
10. Полное собрание законов Российской Империи. 1830, т. VI, сс. 51-53, 67-68.
11. Пожарное дело. 1989. № 8, с. 44-45.
12. *Рябинин Б.* Укротители огня. Свердловск, 1979, с. 28.
13. Пожарное дело. 1996. № 7, с. 56-59.
14. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 1267, л. 13об.-14.
15. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 25, с. 255.
16. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 1619, л. 49 об.
17. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 830, л. 1, 13.
18. ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 706, л. 36, 37.
19. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 732, л. 99-104.
20. ГАПО, оп. 1, д. 731, ф. 20, л. 260-260 об.
21. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 786, л. 187.
22. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 2036, л. 303об-305.
23. ГАПО, ф. 92, оп. 1, д. 110, л. 110-115.
24. ГАПО, ф. 92, оп. 1, д. 13, л. 8.
25. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 1996, л. 46, 48.